

Хроники Шёлкового пути

Два флота для переговоров

Соглашение о возобновлении отношений между Ираном и Саудовской Аравией, подписанное при содействии Китая в качестве третьей стороны, представляет собой поворотный момент в процессе отказа Пекина от политики *тихой сапы* в Персидском заливе. Дипломатические указания, оставленные Дэн Сяопином более 30 лет назад, сменяются новыми лозунгами из 24 иероглифов, знаменующими третий срок Си Цзиньпина на посту председателя КНР: *«Будьте спокойны. Оставайтесь решительными. Стремитесь к прогрессу и стабильности. Будьте активны и добивайтесь результатов. Объединяйтесь под руководством Коммунистической партии. Сражайтесь смело».*

По словам У Синьбо из Центра американских исследований при шанхайском Университете Фудань, в это решающее десятилетие мы наблюдаем трансформацию стратегического самообладания Китая: *«В прошлом мы декларировали некоторые принципы, заявляли о своей позиции, но не брали на себя оперативных обязательств. Это изменится».* А на симпозиуме по безопасности в Тель-Авиве полковник Чжоу Бо из Центра международной безопасности и стратегии при пекинском Университете Цинхуа заявил: *«До сих пор Китай был очень осторожен, ходил по канату и сосредотачивался на бизнесе, не слишком вовлекаясь в военные действия на Среднем Востоке. Но всё может измениться».*

Многополярная трансформация в регионе Персидского залива

Чжоу Бо не считает, что США должны уйти из региона Персидского залива и что столкновение между американскими и китайскими интересами в регионе неизбежно. Вероятно, полковник имеет полномочия выступать за границу, и не случайно это происходит в Израиле – стране, застигнутой врасплох сближением Саудовской Аравии и Ирана. Согласно протоколу, опубликованному наблюдателями из шанхайского Института весен и осеней, вопрос, поставленный Чжоу, *«заключается в том, могут ли Китай и США действительно сотрудничать в вопросе безопасности региона».*

Выступление Чжоу позволяет предположить, что китайская инициатива в регионе Персидского залива содержит в себе потенциал многополярной трансформации американской гарантии безопасности энергетической артерии, которая может быть согласована (а может и нет) или по крайней мере оговорена с Соединёнными Штатами. Можно сказать, “инклюзивная доктрина Картера”, перефразируя китайские выражения, вплоть до выдвинутой Чжоу гипотезы о военно-морском кондоминиуме с широкими стратегическими последствиями: *«Китай – за открытое мышление, – отмечает военный. – Если сила Америки действительно снижается, то почему бы не начать работать вместе для защиты этих стратегических маршрутов?».*

Формально дискуссия сосредоточена на защите нефтяных потоков, но касается *«новой архитектуры безопасности»*, предложенной Пекином для Среднего Востока. С одной стороны, *«как и мирное предложение для Украины»*, принципиальная китайская позиция *«может развиваться в будущем, когда придёт время».* С другой, китайская инициатива звучит как альтернатива *«старой»* архитектуре, гарантируемой США. Как было отмечено в Тель-Авиве, помимо Израиля от этих договорённостей о бесперебойном функционировании энергопотоков до сих пор выигрывал и сам Китай, который задаётся вопросом: почему бы не *«интегрироваться, а не конфликтовать?».* При наличии *«предложения, удовлетворяющего потребности всех сторон»*, говорит Чжоу, Пекин был бы готов обсуждать безопасность в этом регионе с Вашингтоном.

Взаимосвязь между ближним и дальними морями

Чжоу, в прошлом представитель сухопутных войск на ежегодных саммитах “Диалоги Шангри-Ла”, руководитель Центра международного сотрудничества по вопросам безопасности Министерства обороны, координатор антипиратских операций в Аденском заливе, сотрудник (с 1993 года) управления международного сотрудничества Центрального военного совета невозмутимо продолжает: китайский флот *«растёт».* *«Если считать корабли Южного и Восточного флотов ВМС НОАК, то каждый из них превосходит по количеству надводных кораблей весь Королевский военно-морской флот Великобритании,*

которому когда-то не было равных». Старый британский *two power standard* теперь распространился и на два китайских флота. «Но какой смысл иметь такой большой флот?». Чжоу считает, что китайско-американское военно-морское соперничество касается западной части Тихого океана и южной части Китайского моря, но в других океанах серьёзных конфликтов в области безопасности не должно быть, поэтому, с точки зрения переговоров, связь между ближним и дальними морями очевидна. «Настоящий вопрос, – добавляет он, – заключается в том, как Индия отнесётся к китайскому военному присутствию в Индийском океане [...]. Как бы она отреагировала, если бы через него однажды проплыли китайские авианосцы, не думаю, что далеко?» Расширенные переговоры, по сути, должны быть многополярными. В рамках концепции использования флотов как политической карты для реализации глобальной проекции любая дипломатия, пожалуй, сводится к вооружённым переговорам.

Китайский “1905 год”

По мнению Доминика Моизи, ученика Раймона Арона и специального советника Института Монтеня, «на символическом уровне соглашение [между Китаем, Ираном и Саудовской Аравией], подписанное в Пекине, является для Китая почти эквивалентом того, чем был для США [Портсмутский мирный] договор 1905 года, положивший конец русско-японской войне», то есть дебютом новой державы на мировой арене среди «ведущих дипломатических игроков». Это посредничество США в войне азиатских стран было одной из инициатив, с помощью которых Вашингтон сигнализировал, в том числе и Лондону, о своём растущем влиянии на мировые дела.

Военно-политическое восхождение американского империализма между войной с Испанией 1898 года, сопровождавшейся завоеванием Филиппин, и первой мировой войной, безусловно, входит в число сюжетов, которые необходимо учитывать при анализе восхождения китайского империализма. Это относится как к политико-институциональному аспекту этого империалистического созревания, имеющего континентальный масштаб и стремящегося к внешней проекции, так и к аспекту, связанному с выходом на мировой рынок и вторжением в систему держав страны такого огромного веса и с переходом роли мирового гегемона от Англии к Америке, который, хотя и реализовался без войны между ними, но произошёл в огне двух мировых войн.

По мнению Генри Киссинджера, Теодор Рузвельт был первым американским президентом, который имел стратегическое осознание необходимости интервенции Соединённых Штатов в глобальном масштабе и установления связей с остальным миром с точки зрения реальных интересов, которые в конце XIX века уже перевешивали преимущества неучастия. С одной стороны, это привело к трансформации доктрины Монро 1823 года, которая изначально поддерживалась Англией против европейских конкурентов, но в конце века поставила перед собой задачу вытеснить Лондон из западного полушария, как только США обеспечили себе свободу действий на собственном континенте. Во время гражданской войны 1861 года приоритетом по-прежнему было предотвращение признания Конфедеративных Штатов Америки европейскими державами и создание в Северной Америке многонациональной системы. В 1904 году «вывод», который Рузвельт сделал из доктрины Монро, заключался в том, что напористость Америки в своём собственном полушарии в борьбе против всех старых держав теперь должна была стать компонентом «новой глобальной роли».

Профили империалистов

С другой стороны, капиталистический бум сделал США мировой державой «почти непреднамеренно». Киссинджер считает, что Америка превзошла Англию по объёму промышленного производства в 1885 году. С принятием в 1890 году “*Naval Act*” Соединённые Штаты начали укреплять собственный ВМФ, не доверяя британской военно-морской защите. Двух океанов уже было недостаточно, чтобы изолировать новую индустриальную державу. Рузвельту пришлось заимствовать понятия «европейского образца»: «сферы влияния» и баланс сил.

В книге “*First Great Triumph*” посол Уоррен Циммерман связывает отцовство «империалистической» внешней политики Соединённых Штатов с пятью личностями. Эта реконструкция также предоставляет целую сеть сил и форм восходящей державы, полезную

для анализа Китая. Государственный секретарь с 1898 по 1905 год Джон Хэй, теоретик морской мощи Альфред Мэхэн, военный министр с 1899 по 1904 год, а затем государственный секретарь с 1905 по 1909 год Элиу Рут, сенатор от штата Массачусетс с 1893 по 1924 год Генри Кэбот Лодж – вот те *wise men*¹ Рузвельта и президента Мак-Кинли, при котором Рузвельт был министром военно-морского флота и вице-президентом.

В 1898 экспансионистские силы воспользовались возможностью для антииспанской революции на Кубе. Мэхэн считал эту войну «*насильственным политическим движением*» и годами соглашался с Рузвельтом в том, что необходим большой военно-морской флот с глобальным охватом; Кэбот Лодж использовал своё влияние в Сенате, чтобы заручиться поддержкой войны против Испании; Рузвельт вёл переговоры в высших эшелонах власти, в том числе и с Мак-Кинли, подталкивая их к завоеванию Филиппин. В итоге оно стало самым важным результатом конфликта, начавшегося на Кубе, и сделало США тихоокеанской державой. Крупные группы, перед войной разделившиеся по этому вопросу, в конце концов согласились с исходом и начали думать, смогут ли им воспользоваться. Война с Испанией – это первый образец того сочетания множества интересов, которое было достигнуто через Конгресс и СМИ в лице массовых газет Уильяма Хёрста и Джозефа Пулитцера.

Портсмут и Великий белый флот

По словам Циммермана, деловые круги рассматривали Филиппины как плацдарм для торговли с Китаем. С точки зрения стратегического подхода Рузвельта, архипелаг был слишком далёк от США и близок к Японии. До 1904 года Рузвельт поддерживал Токио в борьбе с устремлениями России в Азии, он надеялся, что в русско-японской войне угроза России ослабнет, но не будет заменена японской. В 1899 году Хэй позаимствовал для президента Мак-Кинли британскую концепцию «открытых дверей» в Китае. В 1905 году Япония угрожала целостности Китая, и Рузвельт пригласил обе воюющие стороны в Портсмут, чтобы ограничить последствия победы Токио и сохранить баланс сил в Азии.

Киссинджер считает, что та же логика соотношения сил в 1906 году привела к участию американских делегатов в конференции в Альхесирасе, посвящённой марокканскому кризису, втянувшему Францию и Германию, и отправке в Средиземное море восьми военных кораблей США.

В своей «*прагматической*» реконструкции американской внешней политики в «*America in the World*» (2021) Роберт Зеллик опирается на переписку Рузвельта, свидетельствующую, что в 1905 году он считал европейскую войну «*неизбежной*», а мировую – «*вероятной*», поэтому в Портсмуте и Альхесирасе зарождающийся американский империализм «*выигрывал время*».

В 1907 году Великий белый флот США, состоящий из 16 линкоров, совершит кругосветное плавание, которое станет крупнейшим военно-морским парадом и замечательным логистическим предприятием, учитывая необходимые для этого запасы угля. В ходе подготовки к этому плаванью флот уже устарел, так как Англия разработала новые линкоры – дредноуты, но американский военно-промышленный потенциал к тому времени превысил суммарные возможности своих европейских соперников (Wimmel K. *Theodore Roosevelt and the Great White Fleet*, 1998). Время, флоты и дипломатия объединились в первом кризисе мирового империалистического порядка, открывшем XX век.

Апрель 2023 г.

¹ - Мудрецы (англ.).